

Феликс Чечик

ЧЕРНО-БЕЛОЕ СЧАСТЬЕ

* * *

Как музыка глухого для глухих —
июльский вечер пасмурен и тих.
И в небе предзакатные стрижи
закладывают виражи.
Как живопись слепого для слепых —
вечерних тусклых улиц городских,
где нет меня, с другими заодно,
лишь неба черно-белое кино.
Немым немого не предостеречь.
Закатная немوتствующих речь —
не преодолевает немоту,
как посторонний сторону по ту.

Пинск. 1979

Обратите внимание на
человека, что слева на фото:
он крепленого выпил вина
и работать ему неохота.
Как же я понимаю его,
как завидую завистью белой!
А вокруг — ничего, никого, —
кроме неба и речки дебелий.
Те, кто рядом, — мираж и вранье.
Дверь исчезла. Сломалась отмычка.
Черно-белое счастье мое.
Навсегда упорхнувшая птичка.

* * *

очень даже богато
а не бедно совсем
жили-были когда-то
на докукина 7
вот бы снова увидеть
сбросить времени груз
не стиральную «Лыбидь»
не фоно «Беларусь»
и не стенку «Ольховка»
и не телек «Рубин»
не конфеты «Коровка»
что давно разлюбил
не харчо не по-флотски
макароны и не
молодой залихватский

дух бродивший во мне
но сквозь окна где вата
слышать времени гул
жили-были когда-то
на докукина ул.

* * *

Похороните мертвых, — пусть они —
полюбят ночи и разлюбят дни,
а не наоборот, как это было.
Пустует коммунальная могила.
Похороните, наконец-то, их,
умерших, принимая за живых,
они устали — их прогнуло время,
жизнь после смерти, прожитого бремя.
Бедняги, — по инерции живут:
всем сердцем там, а бранным духом тут,
и на небо заказана дорога...
Похороните мертвых, ради бога!
Чтоб снова похоронное бюро,
подмигивая вечности хитро,
не ведая: ни скорби, ни печали,
работало бессонными ночами.

* * *

Веселого — мало!
Печального — много!
Казалась сначала
веселой дорога.

Веселые песни,
веселые лица, —
печальные, если
веселье не снится.

Ничуть не мешало
отсутствие бога.
Печального мало,
веселого много.

Болели от роста,
балдели от веста,
и было все просто,
легко и уместно.

И были мы сами
уместны и кстати,
как красное знамя
и белое платье.

Но стали все чаще
и чаще с годами:
неполными чаши
и дальними дали.

И боль и тревога,
как птица и ветка.
Печального — много.
Веселое — редко.

И праздники реже, —
как правило — теле,
и белые вежи
уже почернели.

Медвежья берлога —
реальностью стала.
Печального много.
Веселого мало.

Ошибки, ушибы,
капканы и сети,
где птицы, как рыбы,
молчат на рассвете.

Что, близость итога?
Ничуть не бывало.
Веселого — много!
Печального — мало!

И снова деревья
большие, и снова
веселое время
печального слова.

* * *

И друзей родные лица
вдруг возникли вдалеке,
чтобы снова раствориться
рафинадом в кипятке.
Вновь проигранная схватка
с безысходностью в душе.
Невозможно горько. Сладко.
Даже приторно уже.

* * *

С годами — о маме
уже не скорбя,
пустыми глазами
смотрю на себя.

Как будто вначале, —
и так — до конца,
светлее печали
глазами отца.